

CENTRE D'ÉTUDES VIACHESLAV IVANOV

האוניברסיטה העברית בירושלים
THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM

FACULTY OF HUMANITIES

ЗАГАДКА МОДЕРНИЗМА:
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

VIACHESLAV IVANOV:
THE ENIGMA OF MODERNISM

- I. Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher Yale, USA, 1981. / Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson. Jr. New Haven. 1986.
- II. Vjačeslav Ivanov and the Culture of His Time. Rome, 24-28 May 1983. [Материалы конференции не опубликованы, программа в http://www.v-ivanov.it/files/3143/3143_cultime001.pdf]
- III. Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov / A cura di F. Malcovati. Vol. 1–2. Nuova Italia ed. Firenze. 1988
- IV. Russischer Dichter - europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums. Heidelberg. 4–10 September 1989 / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Universitätsverlag C. Winter. Heidelberg. 1993.
- V. Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps / Ed. G. Nivat. (Cahiers du monde russe. XXXV 1–2). Paris. 1994.
- VI. Шестой международный симпозиум, посвященный творчеству Вячеслава Иванова и культуре его времени. Будапешт, 12-16 июня 1995 г. / Под ред. Л. Силард (Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus 41. 1996).
- VII. Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Под ред. Сергея Аверинцева, Розмари Циглер. Peter Lang. Frankfurt am Main. Berlin, 2002.
- VIII. Международная конференция: Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией / Под ред. А. Шишкина. Vol. I–II. (Europa Orientalis. XXI. 1–2. Salerno. 2002).
- IX. Международная конференция: Поэт – Мыслитель – Ученый. К 140-летию со дня рождения Вячеслава Иванова. Москва. 2006 // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1 / Под ред. К. Лаппо-Данилевского, А. Шишкина. СПб., 2010.
- X. Международная конференция: Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова / Под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Салерно, 2017.

ЗАГАДКА
МОДЕРНИЗМА:
ВЯЧЕСЛАВ
ИВАНОВ

МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ ИВАНОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«VIACHESLAV IVANOV: THE ENIGMA OF MODERNISM».

THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM,
MAY 5-7, 2019

ВОДОЛЕЙ
МОСКВА
2021

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6-8
314

Редакционная коллегия:

М. Вахтель, А. Дикман, П. Дмитриев, О. Левитан, Н. Сегал-Рудник, Д. Сегал,
С. Федотова, А. Шишкин

На обложке: Вяч. Иванов во время визита к М. Бодмеру.
31 октября 1934 г., замок Фреденберг. Фотограф – Бертольд Нейдхардт. РАИ.

Оформление обложки на основе дизайна Программы конференции.
Художник Dina Konson

- 314** Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019 / Отв. ред. Н. Сегал-Рудник, ред.-сост. Д. Сегал, О. Левитан, А. Шишкин, М. Вахтель. – М.: Водолей, 2021. – 764 с., [28] с., ил.

ISBN 978–5–91763–555–2

Настоящий сборник посвящен многообразному культурному наследию Вячеслава Иванова (1866–1949), одного из наиболее выдающихся творцов эпохи модернизма. Основу книги составляют материалы и исследования, связанные с XI Ивановской конференцией *Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism*, Еврейский Университет в Иерусалиме, 5–7 мая 2019 г. Вопрос о влиянии Иванова на ведущие направления гуманитарных наук в эпоху модернизма определил направления работы конференции и тематику сборника. В нем представлены исследования российских и зарубежных ученых, в которых рассматривается роль Иванова – символистского поэта, философа и историка идей – в эволюции литературы, музыки, театра, религиозной, культурной и художественной мысли в России, Европе и Эрец Исраэль. Один из наиболее важных аспектов этой книги – отношение Иванова к возрождению еврейской жизни, языка иврит и созданию новой израильской культуры. Сборник включает публикации, основанные на архивных материалах. Особый интерес представляет визуальный ряд книги, представляющий малоизвестные работы К. Сомова, Н. Альтмана, Генрика Рипзама (Henrick Ripszam), фотографии Нини и Кэри Гесс (Nini and Carry Hess). Издание представляет интерес для филологов и философов, театроведов, искусствоведов и музыковедов и всех ценителей поэзии и культуры.

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)6-8

ISBN 978–5–91763–555–2

© Авторы статей, 2021

© Издательство «Водолей», оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Сегал-Рудник, Д. Сегал, О. Левитан. От составителей..... 10

I.

Вяч. ИВАНОВ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

- Димитрий Сегал** (The Hebrew University of Jerusalem, Israel).
Творчество Вяч. Иванова и модернизм 17
- Жорж Нива** (University of Geneva, Switzerland).
«Christus præsens» и поэзия Вячеслава Иванова 47
- Стефано Каприо** (The Pontifical Oriental Institute, Rome, Italy).
Повесть о Светомире царевиче: миф и богословская мысль 55
- Pamela Davidson** (University of London, UK).
Viacheslav Ivanov and the 'Jewish question': The limits of the 'universal man' 71
- Анджей Дудек** (Jagiellonian University in Kraków, Poland).
Природа и типология ценностей в мысли Вячеслава Иванова 109
- Нина Сегал-Рудник** (The Hebrew University of Jerusalem, Israel)
Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова 124
- Мария Плюханова** (University of Perugia, Italy).
Труды Вячеслава Иванова о Достоевском: эволюция основного мифа 179
- Мария Цимборска-Лебода** (Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland).
«Забота об Anima» – Вячеслав Иванов как соучастник диалога
с современностью 198
- Елена Тахо-Годи** (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИМЛИ РАН, Россия, Москва).
Трансформация мифа об Эдипе в историсофской эссеистике
Вяч. Иванова 1930-х годов 215
- Мишель Грабар** (University of Rennes 2, France).
Отклики теории Вячеслава Иванова *Ты Еси* у Эмманюэля Левинаса
и Жака Дерриды 225
- Федор Поляков** (University of Vienna, Austria).
Тень Агриппы Неттесгеймского в кругу русских символистов 234

II.

Поэзия и поэтика

- Светлана Федотова** (ИМЛИ РАН, Россия, Москва).
Вяч. Иванов и А. Бергсон: феноменология памяти в поэме *Младенчество*... 255
- Алексей Козырев** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва).
Топос младенчества в русской культуре 280
- Евгений Пономарев** (ИМЛИ РАН, Россия, Москва; РГПУ им. Герцена, С.-Петербург).
Две версии «младенчества»: Вячеслав Иванов и Иван Бунин..... 294
- Aminadav A. Dykman** (The Hebrew University of Jerusalem, Israel).
Ivanov, Augustan poets, Du Bellay and Neo-Latin Elegy 306
- Лариса Павлова, Ирина Романова** (Смоленский государственный университет, Россия).
Скрытые структуры в лирике Вячеслава Иванова
(из опыта применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») 312
- Евгений Сошкин**.
«Узел жизни». Геологический миф Осипа Манделштама и Вячеслава Иванова 331
- Константин Лаппо-Данилевский** (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Россия, С.-Петербург).
«Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова..... 346
- Лия Ермакова** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, С.-Петербург).
Библейская лексика в переводах Вяч. Иванова из Эсхила 367

III.

Биография и творчество

- Андрей Шишкин** (University of Salerno, Viacheslav Ivanov Research Center, Rome, Italy).
Сомов и Башня Вяч. Иванова: портрет – терцины – фронтиспис 377
- Роман Тименчик** (The Hebrew University of Jerusalem, Israel).
Вячеслав Иванов у Ахматовой: из Именного указателя к «Записным книжкам» 413

Павел Дмитриев (С.-Петербургская академическая филармония им. Д.Д. Шостаковича, Россия). Поэтическое состязание на Башне в июле 1909 г.: Еще раз к вопросу о творческих соприкосновениях Вяч. Иванова и М. Кузмина	428
Геннадий Обатнин (University of Helsinki, Finland). Годы учения Веры Шварсалон	441
Александр Соболев (Россия, Москва). Вячеслав Иванов и молодые поэты (заметки к теме)	462
Елена Толстая (The Hebrew University of Jerusalem, Israel). Вячеслав Иванов и Алексей Толстой.....	481
Михаил Вайскопф (The Hebrew University of Jerusalem, Israel). Воспоминания Андрея Белого о Штейнере: актуальный контекст	502
Светлана Гарциано (University of Lyon, France). Образ Вяч. Иванова в преломлениях субъективно-семейных воспоминаний и эмигрантской критики.....	532
Павел Трибунский (ДРЗ им. А.И. Солженицына, ИРИ РАН, Россия, Москва). Материалы к биографии А.А. Бакши	545
Николай Богомолов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва). Вячеслав Иванов в архиве И.Н. Розанова	554
Майкл Вахтель (Princeton University, USA). Вячеслав Иванов в переписке Е.Д. Шора с Р. Рёсслером	570

IV.

ИВАНОВ И МУЗЫКА

Тамара Левая (Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки, Россия). Вячеслав Иванов и судьба мифа о Скрябине.....	589
Леонид Каяниди (Смоленский государственный университет, Россия). «Прометей» А.Н. Скрябина и «Прометей» Вячеслава Иванова: конструктивно-семиотические аналогии музыкального и поэтического текста	598
Константин Зенкин (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, Россия). Идея мистерии Вячеслава Иванова и ее составляющие в музыке XX века ...	620

V.

ИВАНОВ И ТЕАТР.

ГАБИМА

- Nikolai Pesochinsky** (РГИСИ, Россия, С.-Петербург).
Dionysianism and Theatricality, Conciliarity and Synthesis: The Development of Ideas in Russian Theatre throughout the 1910s and 1920s 631
- Владислав Иванов** (Государственный институт искусствознания, Россия, Москва).
Мейерхольд в Микенах. Модернизм и архаика 648
- Анна Некрылова** (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Россия, С.-Петербург).
Соборность и зрелища: петроградские театрализованные представления 1920-х годов 659

ГАБИМА И ИВАНОВ: ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- Беловой автограф выступления Вяч. Иванова на обсуждении «Габимы» в Центротeatре 16 февраля 1920 года 688
- Из записной книжки Вяч. Иванова 1924 г. 689
- Запись Вяч. Иванова в книге отзывов театра «Габима», 15 июня 1924 г. 691
- Встреча Х. Ровиной и Вяч. Иванова 692
- Ольга Левитан** (The Hebrew University of Jerusalem, Tel-Aviv University, Israel).
Опыт реалистического символизма: «Гадибук» 697
- Yair Lipshitz** (Tel Aviv University, Israel).
Religion, Modernist Theatre, and the Temporal Entanglements of *The Dybbuk* ... 710
- Наталья Злыднева** (Институт славяноведения РАН. Россия, Москва).
Натан Альтман: путь к сценографии 725
- Leah Gilula** (The Israel Goor Theatre Archives and Museum, The Hebrew University of Jerusalem, Israel).
Habima on Mount Scopus. The Nachum Zemach Collection and Nathan Altman's Costume Sketches for *The Dybbuk* 734
- Беседа с композитором Иосифом Барданашвили.
Ведущий – Леонид Ровинский 739

VI.

ПЕРЕВОДЫ ИВАНОВА НА ИВРИТ

Aminadav A. Dykman

A note on the Hebrew translations of Viacheslav Ivanov's poems 751

Вяч. Иванов.

Три стихотворения в переводе Аминадава Дикмана..... 761

«ПЕРЕВОД-ИСТОЛКОВАНИЕ» В ПОНИМАНИИ ВЯЧ. ИВАНОВА

Константин Лаппо-Данилевский

~ ~ ~

Аннотация: Статья рассматривает концепцию поэтического перевода как истолкования. Она была сформулирована русским поэтом-символистом Вячеславом Ивановым (1866–1949) в примечаниях ко второму изданию его переводов из Алкея и Саффо в 1915 г. В связи с этой теорией также анализируются переводы Вячеслава Иванова из Петрарки и Новалиса и критические отзывы о них.

Abstract: The article examines poetic translation as interpretation in the work of the Russian symbolist poet Vyacheslav Ivanov (1866–1949), who formulated this concept in 1915 in his comments to the second edition of his Alcaeus- and Sappho translations. His translations from Petrarch and Novalis as well as reviews of them are also analyzed from this perspective.

Ключевые слова: русский модернизм, Вячеслав Иванов, исследование переводов, Алкей, Саффо, Петрарка, Новалис

Key words: Russian Modernism, Vyacheslav Ivanov, Translation Studies, Alcaeus, Sappho, Petrarch, Novalis

~ ~ ~

В историю русской культуры Вячеслав Иванов вошел, помимо всего прочего, как мастер поэтического перевода. Даже те, кому чужд возвышенно-архаический пафос его музыки, ницшеанские истоки его литературно-философских статей, а также их позднейший прокатолический настрой, те, кто не может преодолеть глубокого внутреннего неприятия его масштабного религиозно-художественного проекта, даже они обычно уважительно склоняют головы перед мастерством Иванова-переводчика и относят свершенное поэтом в этой области к достижениям неоспоримым. Крепит авторитет Вячеслава Иванова и то, что его переводы до сих пор неизменно включаются и в различные антологии, и в сборники таких классиков иноязычных литератур, как Петрарка, Байрон, Бялик и др.

Всё же, если отрешиться от восторженного и большей частью априорного пиетета, легко заметить, сколь далеки мы еще от осмысления роли и характера поэтического посредничества между различными культурами, предпринятого Вячеславом Ивановым. И хотя репутация поэта как мастера стихотворного перевода кажется у современного образованного читателя вполне устоявшейся, непосредственные реакции на его переложения отнюдь не всегда были положительными, причем наиболее резкие отзывы исходили как раз от тех, кто обращался к оригиналам, от тех, кто имел хорошее представление о переводимом авторе, о его месте в истории мировой литературы¹.

.....

¹ Так, Вересаев, рецензируя первое издание «Алкея и Сафо», не мог сдержать возмущения при разборе Алкеева отрывка XVII/XXXV в переводе Вяч. Иванова: «Откуда это фаталистическое настроение, на которое в подлиннике нет даже отдаленного намека? Разве же так мож-

В данной статье хотелось бы приблизиться к пониманию Вяч. Ивановым задач переводчика, принципов его работы, чтобы «судить» его, согласно завету Пушкина, «по законам, им самим над собою признанным». При этом, конечно же, имеет смысл обратиться к зрелой фазе творчества поэта, оставив в стороне юношеские переложения (из «Бхагавадгиты» и «Псалтири», из Марциала и Овидия) и память о том, что важнейшим хронологическим рубежом творческого пути Вяч. Иванова и одной из первых зрелых манифестаций поэта, довольно поздно входившего в литературу, становится перевод «Первой пифийской оды» Пиндара, опубликованный в 1899 г. в «Журнале Министерства народного просвещения»². Поэту было в тот момент 33 года.

Но сначала имеет смысл привести и проанализировать три высказывания Вяч. Иванова, наиболее рельефно представляющие его взгляд на сложности, возникающие перед переводчиком, и на пути их разрешения.

Первое из них сделано в примечаниях ко второму изданию книги «Алкей и Сафо» в ответ на критику В.В. Вересаевым ее предыдущего издания:

Переводчик ограничивается этими нужнейшими замечаниями. Знатокам его точка зрения на чтение и смысл темных мест понятна и без пояснений.

Ясно и его воззрение на задачу поэтического перевода: верховная цель последнего – *создать музыкальный эквивалент подлинника*. Таковым может быть только переложение; оно одно становится имманентным поэтической стихии языка, обогащаемого даром из чужеземных сокровищ. «Буква умерщвляет»; но, *жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, переложитель-поэт должен возместить ее верностью истолкования* (курсив мой – К. Л.-Д.)³.

Здесь обращает на себя внимание в первую очередь то, что Вяч. Иванов объявляет «верховой задачей» поэтического перевода создание *музыкального эквивалента* подлинника и одновременно тем самым признается, что ставил ее перед собой и, по его мнению, конечно же, исполнил. Начиная с перевода Первой Пифийской оды Пиндара Вяч. Иванов встал на путь поиска силлабо-тонических анало-

но?» (Вересаев В.В. [Рец. на кн.: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова. М., 1914] // Вестник Европы. 1915, февр. С. 392–393). О «жестокое разочаровании», постигающем читателя переведенных Вяч. Ивановым сонетов Петрарки, писал В.М. Фишер (Голос минувшего. 1915. № 5. С. 271).

² Пиндар. Первая Пифийская ода Пиндара («О кифара золотая!...») // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324, авг. С. 49–56 (4-я паг.).

³ Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. [2-е изд.]. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914 [1915]. С. 232. Ср. также в письме к В.Я. Брюсову от 30 июля 1915 г. в связи с переводами из О. Туманяна: «Слово “перевод” употребляю, впрочем, неохотно, – делая уступку обычному словоупотреблению, – ибо верую только в “переложения” и “музыкальные эквиваленты”» (Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Л. Соболева // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 375).

гов для размеров древности; таким образом, не приходится сомневаться, что именно силлабо-тонические логэды были для него «в сфере его родного языка» музыкальным эквивалентом эолийских метров.

Второй важный аспект – Вяч. Иванов уже здесь формулирует *концепцию перевода как истолкования*, которую развивает и в позднейших своих статьях. Он подчеркивает правомерность перевода как глубоко личного прочтения иноязычного произведения, закрепляемого в новосоздаваемом тексте, и тем самым легитимирует высокую степень субъективности переложения. Кто должен определить и оценить верность этого истолкования, степень этой верности? Со всей очевидностью, в первую очередь сам Вячеслав Иванов.

В то же время, размышляя в разговорах с М.С. Альтманом о судьбах избранного народа и о возрождаемом древнееврейском языке, 12 февраля 1921 г. Вяч. Иванов внезапно, по ассоциации высказался и о принципиальной невозможности передачи стихотворных ритмов в различных языках:

– А я, – сказал В., – с Вами не согласен. Как христианин я много думал о судьбах еврейства и полагаю, что нужно было, чтоб евреи были по всему миру рассеяны, но нужно также, чтоб вы вновь к концу времен осели в Палестине. Только сионизм должен стать течением религиозным. И язык ваш должен быть древнееврейским. По отношению к жаргону я антисемит. Я не хочу, чтоб ваш жаргон вырос, я хочу его смерти в младенчестве. Я работал над Бяликом и хотел бы, чтоб вся энергия нации ушла в древнееврейский язык. Пусть это Вам не кажется решением стороннего человека: для великих целей я бы не пожалел и языка Достоевского. Впрочем, прозаики при переводе на другой язык могут быть спасены. *Безнадёжно теряются только поэты – их ритмы непереводимы* (курсив мой – К. Л.-Д.)⁴.

На первый взгляд, истоки убеждения в необходимости поисков «музыкальных эквивалентов» в силу невозпроизводимости ритмов чисто фонетические, однако эта мысль, как нередко бывает у Вяч. Иванова, получает дальнейшее развитие, и в письме к Э.К. Метнеру от 4 марта 1932 г. поэт – в ответ на предложение перевести на немецкий стихотворения Баратынского и Тютчева – образно и еще более подробно излагает свой взгляд на поэтический перевод, говоря о нем уже как о пересоздании, ведущем к возникновению не только музыкального, но и *идейного эквивалента* иноязычного стихотворения:

Нет, дорогой друг, не всё равно – сказать свое или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно труднее оригинального творчества <...>. Вы видите, в чем дело: я растворяю кристаллизо-

⁴ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 52.

ванный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллизую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть *идейный и музыкальный эквивалент* прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть *внешне похожим* на свой первоначальный облик (курсив мой – К. Л.-Д.)⁵.

Говоря о том, что он пересоздает поэтическое произведение «в сфере другого языка», Вяч. Иванов подразумевает и то, что это язык, на котором говорит и мыслит иной народ в иную стадию своего исторического движения, в иную эпоху. При этом язык для Вяч. Иванова, как он об этом писал в статье «Наш язык» (1918), – мистическая субстанция, которую он понимает вслед за Вильгельмом Гумбольдтом и как «дело», и как «действенную силу», как «соборную среду, совокупно всеми непрерывно творимую и вместе предвещающую и обуславливающую всякое творческое действие в самой колыбели его замысла»⁶.

Но обратимся к переводческому наследию Вячеслава Иванова, поражающему своим объемом и размахом. В связи с темой данной статьи наибольший интерес представляют переводы с тех языков, которыми поэт владел в такой степени, что ему не требовались подстрочники, – т.е. с древнегреческого, латыни, немецкого, итальянского, французского и английского⁷. Из всего этого массива хотелось бы остановиться на следующих трех обширных лирических корпусах, чтобы иметь возможность прояснить, что означали очерченные выше воззрения Вяч. Иванова для его переводческой практики:

1) переводы в книге «Алкей и Сафо» (1-е изд.: 1914; 2-е изд.: 1914 [1915]; 3-е изд., в 1919 не осуществленное; опубл.: 2019);

2) тридцать три сонета, включенные в издание Петрарки, подготовленное совместно с М.О. Гершензоном (1915)⁸;

⁵ В.И. Иванов и Э.К. Метнер: Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 310–311. Ср. сходные размышления в «Мыслях о поэзии» в связи с переводами Лермонтова из Гете и Жуковского из Шиллера (Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. III. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 670).

⁶ Там же. Т. IV. 1987. С. 675.

⁷ Пользуясь подстрочниками, Вяч. Иванов переводил с армянского, башкирского, венгерского, иврита, латышского, литовского, татарского и финского. Это нередко становилось толчком к знакомству с этими языками, хотя оно и не продвинулось далеко. О начальном знакомстве Вяч. Иванова с армянским языком см.: Александрова Э.К. Художественные переводы Вячеслава Иванова для «Поэзии Армении»: Заметки к истории создания // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван: Лингва, 2017. С. 10. О том, что поэт начинал изучать древнееврейский язык, можно заключить из его письма Мартину Буберу от 8 ноября 1932 г. (Vjačeslav I. Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz, 1995. S. 35). Ср. также статью Памелы Дэвидсон в наст. сборнике.

⁸ Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 231–267. (Памятники мировой литературы).

3) стихотворения, которые должны были составить книгу «Ли́ра Новали́са»⁹.

При всей их несхожести есть многое, что эти переводы сближает: во-первых, они, как уже говорилось, были сделаны без привлечения подстрочников; во-вторых, в количественном отношении это весьма объемные массивы, в каждом из которых «выстроена» средствами русского языка и стиха поэтика переводимых авторов.

При этом весьма существенны и различия: различны эпохи создания этих стихотворных корпусов; различны «исходные» языки и стили переведенных авторов; различны «исходные» системы стихосложения: логазды Алкея и Сафо, т.е. эолийская силлабометрика, силлабика Петрарки, силлаботоника Новалиса; различны «конечные» системы стихосложения: силлаботонические логазды в переводах Алкея и Сафо, силлаботоника в переводах Петрарки (не силлабика, хотя она в принципе была возможна¹⁰), силлаботоника в переводах Новалиса.

Уже из этого перечисления нетрудно заметить, средствами какой версификационной системы в каждом из вышеперечисленных случаев Вяч. Иванов полагал создавать «музыкальные эквиваленты прежних воплощений» и в чем они могли оказаться близки и чужды оригиналам. Тем интереснее, что же он полагал идейным эквивалентом? Смену каких семантических акцентов на какие он допускал?

«АЛКЕЙ И САФО»

Осуществленная нами недавно совместно с С.А. Завьяловым публикация третьего издания книги «Алкей и Сафо», подготовленного самим Вяч. Ивановым к печати в 1919 г. и тогда не состоявшегося, освобождает от необходимости подробного изложения рецепции первого и второго изданий и освещения особенностей переводческой работы Вяч. Иванова над текстами эолийских лириков: всё это детально рассмотрено во вступительной статье и комментариях к упомянутому тому¹¹. Суммирую поэтому возможно более кратко то, что важно для проблематики данной работы.

Одним из самых серьезных следует признать упрек в том, что основной тон при передаче стиля эолийских лириков был избран Вяч. Ивановым неверно, о чем наиболее лапидарно и компетентно писал В.В. Вересаев в рецензии на первое издание:

⁹ Впервые: Иванов Вяч. Собр. соч. Т. IV. 1987. С. 183–251. См. также: Вахтель М. Дополнения к «Ли́ре Новали́са» Вячеслава Иванова // Русская литература. 2011. № 4. С. 61–66.

¹⁰ Для передачи итальянского эндекасиллаба Вяч. Иванов, следуя установившейся традиции, избирает пятистопный ямб с альтернансом женских и мужских рифм. Только женские рифмы, как и у Петрарки, что необычно для русской традиции, находим в переводах двух сонетов, сделанных М.А. Кузминым в августе 1927 г. Кузминские переводы выполнены пятистопным ямбом, но из-за метрических девиаций, имеющих во втором из них («В зеленых ветках лишь застонут птицы...»), он воспринимается почти как силлабический (Дмитриев П.В. Два сонета Петрарки в переводе М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 222–224).

¹¹ Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е, перераб. изд. / Науч. ред., сост., вступ. ст. и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2019.

Причудливая смесь торжественно-архаических, вновь сочиненных и проstonародных слов и выражений составляет характерную особенность собственной поэзии Вячеслава Иванова, но нисколько не характерна ни для Алкея, ни для Саффо. Их язык – *обыкновенный, современный им разговорный язык, лишь с очень незначительными следами влияния эпической поэзии, с одной стороны, народной песни, – с другой*. Читая переводы г. Иванова, всякий скажет: «сразу видно, что это – Вячеслав Иванов». Было бы много лучше, если бы можно было сказать: «сразу видно, что это – Алкей и Сафо» (курсив мой – К. Л.-Д.)¹².

Если суммировать неудовольствие рецензентов – а среди них были как представители литературного цеха, так и ученого (В.Я. Брюсов, В.Ф. Ходасевич, М.А. Кузмин, В.В. Вересаев, Э.В. Диль и А.А. Захаров), – то можно следующим образом очертить, в чем же проявилось *истолкование* Вяч. Ивановым стихов Алкея и Саффо, запечатленное в его переводах:

- в произвольном комбинировании фрагментов и, как следствие, в создании стихотворений, в действительности не существовавших;
- в интерпретаторских вторжениях в древний текст, т.е. в неоговоренных конъектурах;
- в русификации языка перевода и усилении фольклорной компоненты;
- в допущении в перевод новых интертекстуальных ассоциаций, заведомо отсутствующих в оригинале, посредством введения в его текст цитат из золотого фонда русской классики: «щекот славий» и описание добычи из «Слова о полку Игореве»¹³, пушкинская «буйная дурь»¹⁴ и др.

Один важный аспект всё же не получил в рецензиях должного освещения. Дело в том, что Вяч. Иванов рассматривал свое творчество как единый *религиозно-художественный проект*, а потому данный его перевод, как и другие, был идеологичен, направлен на утверждение в сознании современников определенных ценностей, на пропаганду собственного мировоззрения. Крайне важным для Вяч. Иванова было поэтому сближение древних языческих культов с культом христианским, подчеркивание их неразрывной преемственности. Этот эффект достигался главным образом *введением лексических средств с ясно различимыми христианскими коннотациями* – достаточно упомянуть обращение к Аполлону в знаменитом гимне Алкея этому богу: «Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!» или «плащаницу» в «Плаче по Адонису» Саффо. Вяч. Иванов также нередко усматривал и эксплицировал религиозный смысл там, где его в подлиннике не было¹⁵.

¹² Вересаев В.В. [Рец. на кн.: Алкей и Сафо]. С. 390–391.

¹³ Оказались «востребованы» Вяч. Ивановым соответственно в Алкеевом «Гимне Аполлону» и в строке «Паволок, злата, запястий, узорочий, пурпура» эпиталамы «Свадьба Гектора и Андромахи» Саффо.

¹⁴ В первом стихе «Пойми, кто может, буйную дурь ветров!..» «Бури» Алкея.

¹⁵ См., к примеру, комментарии к № IV, XXI Алкея и № XXII, XVI, XXVII Саффо в третьем издании книги «Алкей и Сафо» (2019).

СОНЕТЫ ПЕТРАРКИ

Обратимся теперь к переводам Вяч. Иванова из Петрарки. Как известно, для знаменитого издания 1915 г., составителем которого был М.О. Гершензон, поэт перевел тридцать три сонета: «Сонеты, сложенные при жизни Лауры» (22) и «Сонеты, сложенные по смерти Лауры» (11)¹⁶.

Из предисловия М.О. Гершензона узнаем, что именно он отобрал сонеты для перевода, причем как раз те, что должны были подкрепить «понимание» Петрарки, развиваемое во вступительном очерке, и наилучшим образом сочетаться с беседой «О презрении к миру», стихотворные цитаты в которой опять-таки перевел Вяч. Иванов:

Я обязан искренней благодарностью Вяч. И. Иванову, который дружески согласился перевести как выбранные мною сонеты Петрарки, так и стихотворные цитаты в беседах «О презрении к миру». Вступительный очерк, уже раньше напечатанный (в известном сборнике статей по истории средних веков, под ред. П.Г. Виноградова), здесь мною значительно дополнен. Тем пониманием Петрарки, которое изложено в этом очерке, определен и выбор произведений, предлагаемых здесь в переводе. Впрочем, это замечание касается преимущественно сонетов; относительно того, что беседы «О презрении к миру» наилучше освещают душевную жизнь Петрарки и его историческую роль, между знающими нет двух мнений¹⁷.

Был ли удовлетворен Гершензон тем, как Вяч. Иванов перевел сонеты Петрарки? Об этом он не обронил ни слова ни в своей переписке с поэтом¹⁸, ни, кажется, где-либо еще. Восхищаясь талантом своего друга, он, думается, даже если бы в итоге отверг избранную Вяч. Ивановым стилистику, то, скорее всего, промолчал бы. В любом случае Гершензон включил в свои примечания переводы и переложения сонетов, сделанные другими русскими авторами – К.Н. Батюшковым, Д.Е. Мином, И.И. Козловым, А.Н. Майковым.

Здесь мне хотелось бы обратиться к яркой и концептуальной статье Томаса Венцловы «Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – переводчики Петрарки (на примере сонета СССХI)»¹⁹, в которой была сделана, пожалуй, единственная по сей день попытка найти ключ к стилистике переводов Вяч. Иванова из Петрарки²⁰. Венцло-

¹⁶ Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты. С. 231–267.

¹⁷ Там же. С. 1–2.

¹⁸ Письма Вяч. Иванова и М.О. Гершензона / Публ. Е. Глухой и С. Федотовой // Archivio russo-italiano=Русско-итальянский архив. Vol. VIII. Салерно, 2011. Р. 47–104.

¹⁹ Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – переводчики Петрарки (на примере сонета СССХI) // Русская литература. 1991. № 4. С. 192–220. Суждения Венцловы о Мандельштаме в данной работе придется большей частью оставить за скобками.

²⁰ Укажу лишь наиболее важные в данном контексте работы: Balašov N. La taxinomie des sonnets de Pétrarque et leur syntaxe dans les traductions de Vjačeslav Ivanov // *Cultura e memoria: Atti del*

ва разбирает перевод всего одного сонета, и его выводы относятся, со всей очевидностью, в первую очередь к нему, но (и в этом сказался талант автора) в ряде последующих исследований они оказались экстраполированы на весь массив переводов Вяч. Иванова из Петрарки²¹.

Характеризуя общий взгляд русских символистов на проблему художественного перевода, Венцлова делает ряд важных и глубоких замечаний:

Символисты воспринимали творчество как эзотерический акт – всегда однократный и неповторимый; как вид познания запредельных сущностей – познания несовершенного и частичного; как установление отношений между видимым и незримым, разорванным и единым – установление, всегда балансирующее на грани чуда и неудачи. Реконструировать подобный акт, по мысли символистов, принципиально невозможно. Если само произведение искусства несовершенно и частично, то перевод несовершенно и частичен «в квадрате». Можно лишь надеяться, что читатель перевода получит некий импульс, наек, направление поиска.

Это философское обоснование принципиальной невозможности перевода подкреплялось и филологическим²².

Венцлова также утверждает, что можно говорить о наличии двух традиций в переводческом искусстве, складывающихся на рубеже веков, и призывает в их русле рассматривать переводы Вяч. Иванова и Манделъштама:

В переводческой практике начала века сталкивались две линии, которые, впрочем, прослеживаются и в наши дни: линия Анненского (впоследствии Па-

terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. A cura di Fausto Malcovati. Florence, 1981. Vol. 1. P. 21–36; Mureddu D. Petrarch and Vjačeslav Ivanov // *Scando-Slavica*. 1984. T. 30. P. 73–94; Nelson L., Jr. Translatio Lauri: Ivanov's Translations of Petrarch // *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, and Philosopher*. New Haven, 1986. P. 162–189; Ясюнас С.В. LXI сонет Ф. Петрарки в переводе В. Брюсова и Вяч. Иванова: Мастерство и чувство // *Русский символизм и мировая культура*. Вып. 1. М., 2001. С. 38–45.

²¹ Так, например, полностью солидаризируется с Венцловой И.А. Пильщиков, автор наиболее подробного очерка восприятия поэзии Петрарки в России: «Но главное достижение Иванова заключается в том, что средствами русского языка ему удалось создать целостный образ поэтики Петрарки. Вместо того чтобы переводить первого поэта Ренессанса на художественный язык русского модернизма начала XX столетия, Иванов воспроизводит петрарковский текст в стилистике ушедшей эпохи и дает читателю Петрарку классического, гармонически стройного – близко знакомого и вместе с тем эстетически дистанцированного. По идее, идиолектом-посредником должен был бы стать старинный русский петраркизм, но поскольку такого исторического феномена не существовало, Иванов нашел ему условный аналог – русскую поэзию “золотого века”» (Пильщиков И.А. Петрарка в России (очерк истории восприятия) // Петрарка в русской литературе / Сост. В.Т. Данченко; автор вступ. ст. И.А. Пильщиков; отв. ред. Ю.Г. Фридштейн. М.: Рудомино, 2006. Т. 1. С. 15–40).

²² Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Манделъштам – переводчики Петрарки. С. 192.

стернака) и линия Брюсова и Гумилева (впоследствии Лозинского). Переводы Анненского понятны лишь в контексте его собственного творчества, как его дополнение. Они крайне субъективны и предполагают резкие отступления от оригинального текста. Брюсов и Гумилев стремились к большей объективности, даже научности. Но они также включали переводимое в контекст собственного творчества (просто это творчество было другим, его внутреннее строение было более «объективным») ²³.

Вяч. Иванов, согласно Венцлове, продолжает «линию Анненского» – то есть вольного, субъективного перевода. Основным аргументом в пользу этого становится уже цитированная выше декларация Вяч. Иванова из примечаний к «Алкею и Сафо» о том, что «верховная цель» поэтического перевода – «создать музыкальный эквивалент подлинника» ²⁴. При переложении же сонета «*Quel rosignuol che si soave piagne...*» Вяч. Иванов, по мнению Венцловы, в качестве стилистического камертона избрал язык русской поэзии начала XIX в.:

Иванов тонко стилизует свой перевод под русскую поэзию начала девятнадцатого века – под Жуковского, Батюшкова, раннего Пушкина. Именно в ту пору Петрарка был впервые по-настоящему осознан и освоен русскими стихотворцами; именно тогда его больше всего любили, больше всего подчинялись его воздействию. «Школа гармонической точности» (термин, введенный в научный оборот Лидией Гинзбург) есть как бы русский функциональный эквивалент петрарковской поэзии. Это структурно-функциональное тождество блистательно понято Ивановым. В его переводе нет – или почти нет – символистской вычурности и манерности. Мы не найдем здесь ни экзотического тяжеловесного словаря, ни громоздких синтаксических конструкций, свойственных оригинальным ивановским стихам (ср. хотя бы циклы сонетов «Золотые завесы», «Голубой покров», «Спор»). В переводе сонета СССХI Иванов оперирует почти исключительно лексикой и интонациями старинной русской поэзии – элегической и близкой к ней. Его перевод Петрарки – перевод не только на русский язык, но и на язык определенной эпохи, определенного жанра, на особый поэтический диалект. Такие слова, как *сладко*, *мечте*, *унылой*, *могилой*, да и многие другие, оказываются сигналами, безошибочно вызывающими в памяти читателя былые поэтические коды и структуры. <...> Узнавание, повторение может обернуться банальностью, но ведь и у Петрарки многое несколько банально для современного читателя, ибо его открытия превращены в клише едва ли не десятками поэтических поколений. Впрочем, Иванов в своем переводе, избегая пошлости и стилистического разнобоя, тем самым ух-

²³ Там же. С. 192–193.

²⁴ Впрочем, пассаж этот вырван из контекста у Венцловы, который приводит его по изданию стихов Вяч. Иванова в малой серии Библиотеки поэта, где источник цитаты не указан: Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. С.С. Аверинцева, сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирного. Л.: Сов. писатель, 1978. С. 505–506.

дит и от банальности – повторенные им слова и конструкции сохраняют аромат подлинной старины.

Таким образом, ивановский перевод условен: он пропущен сквозь призму определенной устоявшейся поэтики²⁵.

Этот пассаж вызывает немало вопросов: действительно ли в переводе сонета «*Quel rosignuol che sì soave piagne...*» Вяч. Иванов отрешился от собственной поэтики? действительно ли перешел на язык «гармонической точности», т.е. на язык ему дорогой, но всё же иной эпохи? Настораживает и то, что в качестве лексических «сигналов» приведены примеры только из первого катрена («сладко, мечте, унылой, могилой»), и то, что другие переводы Вяч. Иванова из Петрарки не рассматриваются, и то, итальянский оригинал Венцловой никак не привлечен.

Для того чтобы ответить на эти вопросы, ниже справа от оригинала приведен мой подстрочник сонета²⁶, в котором в квадратные скобки помещены сегменты, проигнорированные русским поэтом-символистом²⁷. После каждого катрена или терцета дается стихотворный перевод Вяч. Иванова; в нем курсивом отмечено то, что не имеет соответствия в оригинале, т.е. то, что русским поэтом примыслено или же преобразено:

Quel rosignuol, che sì soave piagne	Этот соловей, что так нежно оплакивает,
Forse suoi figli o sua cara consorte,	Возможно, своих детей или свою [дорогую] супругу,
Di dolcezza empie il cielo e le campagne	[Сладостью] наполняет [небо и поля,
Con tante note sì pietose e scorte;	Столькими] трелями, [столь жалобными и мелодичными;]

О чем так сладко плачет соловей
И летний мрак живит волшебной силой?
По милой ли тоскует он своей?
По чадам ли? Ни милых нет, ни милой.

Переводя, Вяч. Иванов меняет повествовательную интонацию на вопросительную. Три вопроса, которые задает теперь себе лирический герой, придают редкую проникновенность и задушевность стихам, оказывающимся куда более риторически насыщенными, – взамен неприхотливого рассказа Петрарки возникает диалог с самим собой; его взволнованность подчеркивает полиптотон (милой, милых, ми-.....)

²⁵ Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – переводчики Петрарки. С. 194.

²⁶ Сонет цитируется по изданию: *Il canzoniere di Francesco Petrarca, secondo l'autografo / Con le note di Giuseppe Rigutini, rifuse e accresciute per le persone colte e per le scuole da M. Scherillo*. 2. ed., interamente rinnovata. Milano: U. Hoepli, 1908. P. 378. Перевод Вяч. Иванова приводится по его первой публикации: Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты. С. 262.

²⁷ Анализируя вслед за Венцловой подробно лишь один из ивановских переводов, я намеренно воздержался от количественных измерений его точности. Подобные вычисления в отношении всех переложений поэта из Петрарки – отдельная научная задача (ср. в связи с этим: Гаспаров М.Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 361–372).

лой). Вяч. Иванов перестраивает катрен и композиционно: то, что у Петрарки общается в третьей и четвертой строках, ужимается и сдвигается во вторую, а то, чему у Петрарки уделена вторая строка, разворачивается в строках третьей и четвертой. Возникает вычитывающийся из контекста «летний мрак», мелодичным трелям придана «волшебная сила».

E tutta notte par che m'accompagne	И всю ночь, кажется, что он со мной
E mi rammente la mia dura sorte,	[И напоминает мне мою суровую долю:]
Ch' altri che me non ho di ch' i' mi lagne:	[Что у меня нет других, кроме меня, о ком мне горевать.]
Chè 'n dee non credev' io regnasse Morte.	Что я не верил, что смерть способна повелевать богинями.

Всю ночь он *будит грусть* мою *живей*,
Отвествуя, один, мечте унылой...
 Так, вижу я: самих богинь сильней
Царица Смерть! И тем грозит могиллой!

Второй катрен в переводе Вяч. Иванова куда более эмфатичен; он завершается восклицательными предложениями, чему нет аналога в оригинале. Минималистский рассказ Петрарки драматизируют метафоры, что приводит к семантическим сдвигам: соловей не просто сопровождает своим пением поэта, но «будит грусть» и будит ее «живей»; его трели не напоминают суровую участь, но «ответствуют мечте унылой». Радикальный разрыв с поэтикой Петрарки происходит в восьмом стихе, в который Вяч. Иванов вводит персонифицированный образ «Царицы Смерти», грозящей могиллой богиням, имманентный поэтике европейского декаданса (из русского контекста первым делом вспоминается воспевание смерти Федором Сологубом, его «владычица смерть»). Известным основанием для этого была этимология – генетическая связь глагола «regnare» (властвовать) и существительного «regina» (царица), но мысль Петрарки проста и конкретна – его лирическому герою не верилось, что подобные Лауре подвластны смерти, т.е. попросту смертны.

Oh che lieve è inganar chi s'assecura!	Как легко обмануть того, [кто в себе уверен!]
Que' duo bei lumi, assai più che 'l sol chiari,	Кто думал, что когда-либо увидит,
Chi pensò mai veder far terra oscura?	Как два прекрасных ока, [более ясных, чем] солнце, обратятся в прах (дословно: в темную землю)?

О, как легко чарует нас обман!
 Не верил я, чтоб тех очей светила,
 Те солнца два *живых*, *затмил туман*,

Or cognosco io che mia fera ventura	[Сейчас понимаю, что моя жестокая судьба
Vuol che vivendo e lagrimando impari	желает, чтобы я понял, живя и рыдая,]
Come nulla qua giù diletta e dura.	как ничто здесь на земле не может нам доставлять радость и быть долговечным.

Но черная Земля их поглотила.
«Всё тлен!» – поет нам боль сердечных ран, –
Всё, чем бы жизнь тебя ни обольстила.

Нетрудно заметить, что собственная поэтика Вяч. Иванова чем ближе к концу сонета, тем более дает знать о себе. В заключительных терцетах видим то же «переписывание» Петрарки, что и в катренах, и, конечно же, производится оно не языком «гармонической точности», а художественным идиологем Вяч. Иванова. Ему сопутствуют и игнорирование ряда сегментов оригинала, и добавки, и смена как стилистического регистра, так и коннотаций. В высшей степени характерно и то, что Вяч. Иванов вводит в последний терcet цитату из современной ему литературы: словосочетание «боль сердечных ран» – это начальная строка стихотворения Андрея Белого «Не страшно» (1900).

Здесь, на мой взгляд, уместно обратиться к непосредственным критическим отзывам на издание 1915 г., до сих пор не проанализированным в научной литературе. Это, с одной стороны, позволяет уяснить, руководствовался ли Вяч. Иванов теми же художественными принципами, переводя другие сонеты Петрарки, с другой – включить эту книгу в контекст литературной жизни эпохи. На данный момент мне известно четыре отклика на этот том, причем все рецензенты были единодушны в высокой оценке труда Гершензона – и как составителя, и как переводчика, и как исследователя, и как комментатора.

Первая из рецензий на книгу вышла из-под пера В.Ф. Эрн, ближайшего друга и единомышленника Вяч. Иванова в эти годы. Отмечая, что Гершензон, переведший латинскую прозу Петрарки, «блестяще справился со своей задачей», Эрн выразил безоговорочное одобрение стихотворным переводам Вяч. Иванова всего в одной фразе, не вдаваясь в детали:

Еще труднейшую задачу разрешил Вяч. Иванов. С истинным мастерством передал он все переливающиеся оттенки любовной лирики Петрарки, сохранив почти нетронутой их словесную оболочку, и всё это в неукоснительно строгих формах сонета²⁸.

Большую часть краткого отзыва, опубликованного за подписью «М.» в газете «Правительственный вестник»²⁹, составляет пространное выражение неудовольствия именно переводами Вяч. Иванова:

Перевод произведений какого-нибудь писателя, в особенности поэта, может только в том случае иметь литературное значение, если передает все ху-

²⁸ Голос Москвы. 1915. № 9, 5 февр. С. 3.

²⁹ Автором рецензии, возможно, был Борис Петрович Гущин (1874–1936), видный петербургский библиотековед, в 1914–1916 гг. сотрудничавший в данной газете. Известно, что он использовал на ее страницах криптоним «М» (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. Т. 2. С. 134).

дожественные красоты подлинника. В противном случае переводчик оказывает автору отрицательную услугу. И подобную услугу как раз оказал Петрарке г. Вяч. Иванов, переводчик его сонетов. Перевод сонетов «На жизнь Лауры» и «На смерть Лауры» передан таким неуклюжим языком, что часто приходится долгое время доискиваться смысла той или иной фразы. Конечно, тут уже нельзя даже думать о сохранении духа и стиля поэта, которого другой переводчик М. Гершензон называет в предисловии изумительным мастером слова. Правда, г. Гершензон предвещает, что переводчику всюду грозит две опасности: впасть или «в банальную модернизацию, либо в плоскую наивность», – пусть так, но читатель вправе требовать от переводчика по крайней мере осмысленной и легко понимаемой передачи правильным русским языком. Нельзя одобрительно отнестись к такому, напр., изложению: переводчик говорит: скорей случится то-то и то-то..., «чем я покой найду иль от *врагини* (?), С которой ковы на меня кует Амур, мой бог, дождуся благодости...» или «Влюбленных дум полет *предначертан* (?), К Верховному, ее внушеньем Благу. Чувств низменных – тебе ль ласкать обман?» Подобных примеров можно привести очень много³⁰.

В рецензии известного театрального и литературного критика Андрея Яковлевича Левинсона (1887–1933)³¹ также было обращено внимание на стиль перевода, диссонирующий со стилем оригинала:

Вторую часть книги образуют тридцать три сонета, выбранные и переведенные Вячеславом Ивановым. Переводы выполнены в характере обычного мастерства названного поэта; но мне кажется, что их торжественно-иератический строй и намеренно архаический словарь не вполне передают изящную простоту и сладостную текучесть итальянского стиха, лирическое очарование которого пережило века, не утратив способности непосредственного воздействия на воображение и чувствительность читателя. В сделанном В. Ивановым превосходно удавшемся опыте реставрации стиля лишь заглушенно сказывается дивное эмоциональное богатство оригинального текста³².

Наиболее подробным был отзыв Владимира Михайловича Фишера (1885–1940), преподавателя московской гимназии В.А. Флерова, автора статей о Гёте, Байроне, Лермонтове и Тургеневе. Начиная разбор сонетов Петрарки, Фишер писал о постигающем читателя «жестокое разочаровании», а также о том, что Вяч. Иванов, взяв-

³⁰ Правительственный вестник. 1915. № 61. 15 февр. С. 7; курсив автора.

³¹ А.Я. Левинсон неоднократно откликнулся на переводы Вяч. Иванова. Так, весьма едким был разбор «Франчески да Римини» Г. д' Аннунцио, переложенной поэтом совместно с В.Я. Брюсовым с итальянского размерами подлинника (Современный мир. 1908. № 10. Отд. II. С. 136–138; подпись: А.Л.). Кратким, но весьма сочувственным был отзыв о первом издании «Алкея и Сафо» в суммарном обзоре серии «Античные писатели» Издательства М. и С. Сабашниковых (Левинсон А. Прививка античности // Речь. 1915. № 148 (3171), 1 (14) июня. С. 3).

³² Речь. 1915. № 45 (3068), 16 февр. С. 4; подпись: А.Л.

шись за этот труд, «скрыл и затушеввал» знание итальянского языка. Имеет смысл остановиться на упреках, сделанных Вяч. Иванову, ибо не все из них справедливы.

Претензии Фишера в первую очередь стилистические: он не может принять усложненный синтаксис и архаизированную лексику перевода, создающие у читателя превратное представление об оригинале и затемняющие его смысл:

Петрарка, как известно, шлифовал свои сонеты до старости, отделявая каждое выражение. Получился стиль ясный, прозрачный, чистый. Вяч. Иванов прилагает все усилия к тому, чтобы его затемнить. <...> Известна страсть Вяч. Иванова к варваризмам. «Предчуя» это, клонишь «вью» над его переводом, ерошишь «власы», запутываешься в «струйную сеть», но нельзя же таким языком переводить Петрарку! Борьба переводчика с рифмами и размером вызывает просто жалость: какие произвольные эпитеты и метафоры приходится измышлять там, где у Петрарки всё ясно и прозрачно³³.

Соотнося перевод с подлинником, Фишер приводит несколько случаев неверной передачи смысла или его крайнего затемнения. Ограничусь лишь двумя примерами.

Так, в сонете CXLVII он находит «нечто совсем неладное»:

Прекрасная рука! Разжала ты
И держишь сердце на ладони тесной.

Разжала сердце, – это уже не по-русски. В подлиннике: «о, прекрасная рука, которая *поймала* мое сердце и заперла мою жизнь в тесном *пространстве!*»

O bella man, che mi distringi 'l core
E 'n poco spatio la mia vita chiudi...³⁴

Отмечу сразу, что Фишер почему-то неверно цитирует начальный стих сонета – у Вяч. Иванова рука не «разжала», но «разжалась». При этом Фишер, конечно, предлагает более точный, хотя и не вполне удовлетворительный перевод для «distringi». Комментаторы Петрарки усматривают здесь влияние провансальского языка, в котором этот глагол получил значение, противоположное тому, что у него имелось в латинском (яркий пример энантиосемии). У Петрарки он означает «сжимает» или же «сжимает, причиняя боль»³⁵. То есть первые два стиха сонета.....

³³ Голос минувшего. 1915. № 5. С. 272–273. Фишер отсылает приводимыми лексемами к определенным сонетам в переводе Вяч. Иванова: «Предчуя» («Сонм светлых звезд и всякое начало...»), «вью» («Лань белая на зелени лугов...»), «власы» («Ее творя, какой прообраз вечный...»), «Тот жгучий день, в душе отпечатленный...»), «сеть струйная» («Ее творя, какой прообраз вечный...»).

³⁴ Там же. С. 272; курсив автора.

³⁵ Ср.: «Le verbe *destrenher* (lat. *distringere* 'rétrécir; empêcher'), 'étreindre; presser, tourmenter; contraindre', qui s'emploie plus fréquemment que le substantif correspondant *destrech*, -ei, 'détresse,

та стоило бы перевести скорее так: «О, прекрасная рука, сжимающая мне сердце и заключающая мою жизнь в малое пространство». Вяч. Иванов следовал латинскому значению глагола «distringere» (растягивать, распяливать, распинать), перевода первый катрен:

Прекрасная рука! Разжалась ты
И держишь сердце на ладони тесной,
Я на тебя гляжу, дивясь небесной
Художнице столь строгой красоты³⁶.

В сонете LXXXVIII («Коль не любовь сей жар, какой недуг...»), по утверждению Фишера, «встречаем нечто ужасное». Раздражение критика объяснимо: задеивал «figuram ethymologicam» и тем риторически уплотнив ткань своего перевода, Вяч. Иванов весьма отдаляется от подлинника:

То же,
Что в жизни смерть, – любовь. На боль похоже
Страданье. «Страсть», «страданье» – тот же звук (!).

Это должно, по замыслу переводчика, передать эти два грациозные стиха:

O viva morte, o diletto quale,
Come puoi tanto in me, s'io no 'l consento?

(«о живая смерть, о сладостная мука, как можете вы властвовать во мне помимо моей воли!»)³⁷.

Не совсем справедливо Фишер обвиняет Вяч. Иванова в нарушении сонетной формы в связи с расположением рифм в катренах:

Форма сонета – очень трудная форма. Дело не в том только, чтобы дать два четверостишия плюс две терцины. Само название «сонет» указывает на его родство с музыкой. Это как бы прилив и отлив лирической волны. Ритм, страстно торопливый в четверостишиях, убаюкивается, расплываясь в терцинах. Вот почему, для укрощения страстности четверостиший, оба они связаны одинаковыми рифмами, притом рифмами обнимающими (abba abba), и лишь в терцинах допускается произвол в чередовании рифм. Всё это, конечно, прекрасно известно г. Иванову, но он с этим не считается³⁸.

.....
tourment», suggère toujours l'oppression de l'amour et la contrainte physique» (Cropp G.M. Le vocabulaire courtois des troubadours de l'époque classique. Geneve: Droz, 1975. P. 294).

³⁶ Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты. С. 251.

³⁷ Голос минувшего. 1915. № 5. С. 272.

³⁸ Там же. С. 273–274.

В действительности лишь в двух случаях Вяч. Иванов заменил в катренах охватные рифмы на перекрестные (LXXIV. «Опять я шел, куда мой бог-гонитель...»; CV. «Я лицезрел небесную печаль...»). Но и для Петрарки это правило не было абсолютным – так, в сонете «*Quel rosignuol che sì soave piagne...*» в катренах находим перекрестные рифмы, которые Вяч. Иванов сохраняет («О чем так сладко плачет соловей...»). Что касается терцетов, то русский поэт не ставил перед собой задачи точно воспроизвести рисунок рифм, каждый раз в них различный; он усваивает, скорее, принцип их свободного варьирования и потому большей частью располагает рифмы в терцетах без оглядки на оригинал.

Для Фишера неприемлемо небрежение синтаксической и смысловой завершенностью строф оригинала; строфические анжамбманы он считает в сонетах недопустимыми, «убивающими музыку», чуждыми традиции итальянских сонетистов, в то время как Вяч. Иванов ими, действительно, весьма охотно пользуется («У Вяч. Иванова добрая треть переведенных им сонетов страдает этим пороком сердца»³⁹). В заключение Фишер воздает должное таланту Вяч. Иванова, но именно его таланту поэта, а не переводчика, в силу чего похвалы устаиваются всего два стихотворения:

Несмотря, однако, на небрежность, допущенную Вяч. Ивановым, несмотря на несоответствие предпринятой задачи его таланту, этот последний скazujeется и производит свое обаяние. Отдельные выражения и образы чаруют, хотя они далеки от Петрарки. Два сонета переведены великолепно; это – «Лань белая на зелени лугов» (стр. 250) и «Ни ясных звезд блуждающие станы». И на том спасибо⁴⁰.

«ЛИРА НОВАЛИСА»

Еще один обширный поэтический корпус, переведенный Вяч. Ивановым, – стихотворения, которые должны были составить книгу «Лири Новалиса»; работа над этим замыслом не была завершена русским поэтом. Открывать ее должны были шесть «Гимнов к Ночи», а за ними следовать перевод цикла «*Geistliche Lieder*» (т.е., если передать название дословно, «Духовные песни») и другие стихотворения Новалиса⁴¹.

³⁹ Там же. С. 274.

⁴⁰ Там же. С. 274.

⁴¹ Впервые «Лири Новалиса» предстала как целостный, хотя и незавершенный замысел в четвертом томе брюссельского Собрания сочинений поэта (Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. IV. 1987. С. 181–251). «Лири Новалиса» состоит здесь из следующих четырех разделов: «Гимны к Ночи» (шесть стихотворений), «Духовные стихи» (пятнадцать стихотворений), стихотворения из романа «Генрих фон Офтердинген» (восемнадцать стихотворений), «Разные стихотворения» (шестнадцать стихотворений, из них семь – элегические дистихи). См. подробнее: Александров А.С. «Лири Новалиса» Вяч. Иванова: История создания, трансформация замысла, источники, проблемы эдиции // Reosiahag (Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University). 2017. № 14. С. 179–201.

Не буду повторять здесь всего, что уже справедливо сказано Е.Г. Эткингом и М. Вахтелем о Вяч. Иванове-перелагатееле в связи с «Лирой Новалиса», процитирую лишь один из пассажей в статье Эткинда «Поэзия Новалиса: “Мифологический перевод” Вячеслава Иванова», в котором анализируется переложение Вяч. Ивановым зачина IV стихотворения из цикла «Духовные стихи» (именно так поэт-символист перевел заглавие «Geistliche Lieder»):

Стиль перевода не просто отличен от оригинала – он ему противоположен. Вместо простоты – усложненность, вместо прозрачности – темнота, вместо прямых значений слов – нагромождение фигуральных («хмель часов», «чаша смерти»), а главное, вместо доверительного шепота – декламационная риторика⁴².

«Духовные песни» Новалиса – цикл из пятнадцати стихотворений, написанных в 1798–1800 гг., т.е. частично до «Гимнов к ночи», а частично после; они были опубликованы уже посмертно в 1802 г. Людвигом Тиком и Фридрихом Шлегелем в «Сочинениях» Новалиса. В письме от 31 января 1800 г. Новалис просил Ф. Шлегеля, собиравшегося опубликовать несколько стихотворений цикла, дать им общее заглавие «Опыт нового, духовного песенника» («Meinen Liedern gebt die Aufschrift: *Probe eines neuen, geistlichen Gesangbuchs*»). Немецкие исследователи «Духовных песен» говорят об их «изошренной простоте» («raffinierte Schlichtheit»), направленной против просветительского рационализма, об их пронизанной христианской религиозностью «знающей наивности» («wissende Naivität») ⁴³. Эти стихи были задуманы не как художественная лирика, а как собрание песен для домашнего христианского обихода⁴⁴.

Для того чтобы убедиться в том, какие метаморфозы переживает словесная ткань немецкого романтика под пером русского поэта-символиста, достаточно обратиться к первому из «Духовных стихов». Ниже приведены две его начальные строфы в сопровождении моего подстрочника и переложения Вяч. Иванова:

Was wär ich ohne dich gewesen?	Чем был бы я без тебя?
Was würd ich ohne dich nicht sein?	Чем не был бы я без тебя?
Zu Furcht und Ängsten auserlesen	[Избранный для боязни и страхов,]
Ständ ich in weiter Welt allein.	Стоял бы я один [в огромном мире.]
Nichts wüßt ich sicher, was ich liebte,	Я не знал бы с уверенностью, что любить,
Die Zukunft wär ein dunkler Schlund;	[Будущее было бы для меня мрачной бездной,
Und wenn mein Herz sich tief betrübte,	И если бы мое сердце тяжко скорбело,
Wem tät ich meine Sorge kund?	Кому бы я поведал мою заботу?]

⁴² Эткинд Е.Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Русская литература. 1990. № 3. С. 160. Также: Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994. P. 128–142.

⁴³ Kurzke H. Novalis. 2., überarbeitete Auflage. München, 2001. S. 71.

⁴⁴ Ibid. S. 73.

Что был бы я, когда б не встретил —
 Тебя, и не пошел с Тобой?
На небе ль Рок меня отметил!
 Один, лицом к лицу с Судьбой,
 Я б трепетал, и сколь бы тщетной
 Казалась мне любовь моя!
И замер голос безответный,
Над черным срывом бытия.

Einsam verzehrt von Lieb und Sehnen,	[Одинокому,] изнуренному [любовью и тревогой,]
Erschien mir nächtlich jeder Tag;	[Мне казался бы ночью всякий день,
Ich folgte nur mit heißen Tränen	Я бы только следил с горячими слезами
Dem wilden Lauf des Lebens nach.	За диким ходом жизни.
Ich fände Unruh im Getümmel,	Я находил бы беспокойство в (уличной) суете,
Und hoffnungslosen Gram zu Haus.	И безнадежную тоску дома.]
Wer hielte ohne Freund im Himmel	Кто выдержал бы без друга в небесах,
Wer hielte da auf Erden aus?	Кто выдержал бы тут на земле?

Вотще, в томлении унылом,
Я звал бы день, несущий тьму,
Коловращением постылым
Мою вращающий тюрьму.
Зияли б в мире только гробы, —
Зиял бы гроб, где был мой дом...
 Без Друга в Небе — кто бы, кто бы
 Не изнемог в пути земном?

На примере первого из «Духовных стихов» прекрасно видно, что Вяч. Ивановым производится последовательное «завышение стиля» оригинала. Для этого поэт обильно применяет в нем славянизмы и архаические выражения («вотще», «пламень», «снедает», «юдоль» и проч.), а синтаксис насыщает инверсиями, как в следующем примере из четвертой строфы:

Север мрачный
 Роскошной Индией расцвел,
 Как нег живых эдем прозрачный,
 Как лес благоуханных смол.

Обильны и семантические затемнения, обычно сопровождающиеся драматизацией описываемого, преображающие до неузнаваемости исходные образы, так что смысл вряд ли может быть понят без обращения к оригиналу, как в двух процитированных выше стихах первой строфы, где лирический герой Новалиса сравнивает свое безнадежное будущее с «темной пропастью» (ср. подстрочник):

И замер голос безответный
Над черным срывом бытия.

Разумеется, нельзя обойти вниманием и отклонения от подлинника, добавления. Так, например, следующий мрачный вселенский образ во второй строфе перевода не имеет никакого соответствия в оригинале:

Зияли б в мире только гробы, –
Зиял бы гроб, где был мой дом...

Не будет преувеличением и утверждение, что Вяч. Иванов в данном цикле, озаглавив его «Духовные стихи», производит определенную семантическую подмену и дезориентирует читателя. Тем самым он отсылает к традиции русских духовных стихов, жанру народной лирической и лироэпической поэзии, посвященному христианской тематике. Их наивная просветленность, конечно же, была куда более близка поэтике «Духовных песен» Новалиса, чем то, что мы видим в переложениях Вяч. Иванова, в которых, не без учета опыта литературы эпохи модернизма, была, скорее, продолжена традиция русской духовной поэзии XVIII в. Об увлечении ею, пережитом поэтом в годы молодости, свидетельствуют переложения двух псалмов, сделанные в 1890 г., а также ее отзвуки в оригинальных стихах поэта⁴⁵.

И, наконец, нельзя не отметить, что Вяч. Иванов, позволяя себе довольно существенные семантические отклонения от оригинала, был крайне точен в передаче на русский язык строения строф и богатства метров «Духовных песен» Новалиса⁴⁶. То есть данные аспекты «музыкальности» эквивалента были выдержаны в высшей мере.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Анализ трех обширных массивов лирики разных эпох, переведенных Вяч. Ивановым, убеждает в том, что главным для него в этом труде была «*верность истолкования*», понимаемая весьма произвольно; творцом и главным верификатором этой «верности» оказывался сам переводчик. Изначальная и сознательная установка на сугубо личное, царственное *прочтение* произведений иноязычных поэтов, на их почти *присвоение*, делала переводы полноценными составляю-

⁴⁵ Serman I. Vyacheslav Ivanov and Russian Poetry of the Eighteen Century // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, and Philosopher. New Haven, 1986. P. 190–208 (translated by J. L. Hellie); Сегал-Рудник Н.М. Дионисийство как прием: К вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 55–67; Гардзонио С. Вячеслав Иванов и поэзия Г.Р. Державина: Некоторые замечания // Europa Orientalis. 2016. Vol. 15. P. 267–273.

⁴⁶ Об этом подробнее: Эткинд Е.Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова. С. 162.

щими оригинального творчества Вяч. Иванова, неотъемлемой частью его общего *религиозно-художественного проекта*. Одновременно переложения вступали в систему сложных семантических отношений как с их объектами, так и с литературным контекстом начала XX в.

При этом подходе Вяч. Иванова свойственна *целостность*, ибо из его переводов неизменно вырастает определенный образ перелагаемого автора, почти всегда несколько «корректирующий» общепризнанные историко-литературные представления о нем: так, Алкей и Сапфо Вяч. Иванова во многом «порывают» с миром аристократической архаики и оказываются «обогащены» провиденциальными религиозными прозрениями; стиль Петрарки усложняется и патетизируется, его переживания затемняются, а порой обретают мистический накал, в котором различимы ноты русского декадентства; религиозные признания Новалиса утрачивают свою безыскусность. На формальном уровне эта целостность проявляется в том, что Вяч. Иванов последовательно создает на родном языке «музыкальные эквиваленты» стихов, находя для метров переводимых им поэтов систему определенных аналогов и неукоснительно выдерживая ее.

Конечно, тому, кто подпал под очарование переводов Вяч. Иванова, потребуется немало усилий для того, чтобы освободиться от магии стихов Иванова-перелagateля, чтобы понять, какова же на самом деле лирика Алкея, Сапфо, Петрарки или Новалиса, чтобы обрести адекватное знание об этих авторах. Потому-то столь важно для читателя как можно раньше распознать специфику обращения Вяч. Иванова с переводимыми текстами. И в то же время нельзя не признать, что русский поэт-символист, передавая то с большей, то с меньшей точностью образы иноязычной поэзии и пропустив их через призму своего мировоззрения, обогатил яркими художественными произведениями и собственное творчество, и отечественную поэзию.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А.С. «Лирика Новалиса» Вяч. Иванова: История создания, трансформация замысла, источники, проблемы эдичии // Reosiahag (Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University). 2017. № 14. С. 179–201.
- Александрова Э.К. Художественные переводы Вячеслава Иванова для «Поэзии Армении»: Заметки к истории создания // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван: Лингва, 2017. С. 3–24.
- Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е, перераб. изд. / Науч. ред., сост., вступ. ст. и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2019. 397 с.
- Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1995. 384 с.
- Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Манделъштам – переводчики Петрарки (на примере сонета СССХI) // Русская литература. 1991. № 4. С. 192–220.
- Гардзонио С. Вячеслав Иванов и поэзия Г.Р. Державина: Некоторые замечания // Eurora Orientalis. 2016. Vol. 35. P. 267–273.

- Гаспаров М.Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, С. 361–372.
- Глухова Е. «Странное существо человек, загадочнее кошки»: Переписка Вяч. Иванова с М.О. Гершензоном (1909–1925) // Archivio russo-taliano = Русско-итальянский архив. Vol. VIII. Салерно, 2011. P. 27–46.
- Дмитриев П.В. Два сонета Петрарки в переводе М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 222–224.
- Сегал-Рудник Н.М. Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА; Пушкинский Дом, 2016. С. 27–70.
- Эткинд Е.Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова // Русская литература. 1990. № 3. С. 157–164.
- Ясюнас С.В. LXI сонет Ф. Петрарки в переводе В. Брюсова и Вяч. Иванова: Мастерство и чувство // Русский символизм и мировая культура. Вып. 1. М., 2001. С. 38–45.
- Balašov N. La taxinomie des sonnets de Pétrarque et leur syntaxe dans les traductions de Vjačeslav Ivanov // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. A cura di Fausto Malcovati. Florence: La Nuova Italia Editrice, 1981. Vol. 1: Testi in italiano, francese, inglese. P. 21–36.
- Cropp G.M. Le vocabulaire courtois des troubadours de l'époque classique. Geneve: Droz, 1975. 509 p.
- Kurzke H. Novalis. 2., überarbeitete Auflage. München: Beck, 2001. 112 S.
- Mureddu D. Petrarch and Vjačeslav Ivanov // Scando-Slavica. 1984. T. 30. P. 73–94.
- Nelson L., Jr. Translatio Lauri: Ivanov's Translations of Petrarch // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, and Philosopher. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986. P. 162–189.
- Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. 247 p.